

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. In the upper left, there are stylized, layered mountain ranges in shades of blue and teal. The rest of the background is a dark, moody landscape with a large, dark, conical structure, possibly a lighthouse or a monument, standing on a dark, flat surface in the foreground. The sky is a deep, dark blue with a subtle gradient.

НОЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Гель–Грин

центр земли

Никки Каллен

Никки Каллен

Гель-Грин, центр земли (сборник)

«Яуза»

2018

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Каллен Н.

Гель-Грин, центр земли (сборник) / Н. Каллен — «Яуза», 2018

ISBN 978-5-9500752-2-3

Гель-Грин — это тысячи километров от дома; это место, полное открытий и запахов; «Гель-Грин... — будто это имя Бога». «Гель-Грин, центр земли» — это четыре абсолютно непохожие друг на друга истории, которые перенесут вас в далекий и сказочный город на берегу бухты Анива, где живут обычные люди с необыкновенно красивыми именами: Свет, Цвет, Лютеция, Река, Анри-Поль — герои, в которых нельзя не влюбиться. Настоящие, живые и такие неземные. Мастерски сочетая простоту и богатство мысли, используя особое композиционное построение и нестандартную форму изложения, Никки создает свой неповторимый мир — рассказы-настроения с волшебной атмосферой. Рассказы, которые нельзя забыть, которые ворвутся в вашу жизнь, — и кто знает, возможно, через несколько лет на карте появится новый, невыдуманный, город-порт... Гель-Грин.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9500752-2-3

© Каллен Н., 2018
© Яуза, 2018

Содержание

Воспоминания о кораблях	6
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Никки Каллен

Гель-Грин, центр земли

© ООО «Яуза-каталог», 2018

Воспоминания о кораблях

Когда Стефану ван Марвесу исполнилось пятнадцать, в ясный, как синий цвет, осенний день у него родился первый сын – от его одноклассницы Капельки Рафаэль, которой всё еще было четырнадцать. За восемь месяцев до этого дня был собран семейный совет: папа, мама, дядя, который так и не женился, и старший брат Стефана – Эдвард, который собирался жениться через полгода на девушке с глазами цвета ранних яблок; у папы – сеть гостиниц по стране; в общем, хорошая партия; теперь же из-за этого маленького мальчика с одиноким узким семейным лицом, будто он думает о Древнем Риме, могло расстроиться всё – скандал, да и только; подали кофе: папе – венский, со сливками и сахаром, маме – глясе, дяде – черныш, по-турецки, в крошечной чашечке; а брат не пил кофе из-за погоды и мигрени. Стефану даже никто не предложил; он стоял у окна, в шторах из зеленого бархата, заплетал бахромку в косички, и смотрел, как медленно падает снег, и ни о чем не думал. Даже о Капельке; в отличие от него, она ничего не боялась в этом мире: ни пауков, ни своей семьи; Рафаэли были хиппи, и дети для них были чем-то насущным, как хлеб; в детях настоящая радость, а не в карьере; и ребенка она гранитно решила оставить. Они занимались «этим» всего раз: на диване её старшего брата Реки; тот был в отъезде – автостопил до моря, и она жила временно в его комнате. Все стены обклеены морем, и книги на полках из ясеня – сам делал, видно даже следы рубанка – только про море; она их читала, и под диван упал «Тайный Меридиан» Перес-Реверте; они долго и старательно целовались, потом Стефан стянул с неё замшевую кофту с бахромой – она всегда носила замшевые вещи с бахромой и много-много бус – из дерева и бисера; амулеты с выпученными глазами, крыльями и тысячей ног и коса до пола – словно Рапунцель; только мама всей семьи захотела с ней познакомиться и сказала: «Рапунцель». Стефану было больно, Капельке – нет; и через две недели, когда закончились зимние каникулы, она села за парту, молчаливая и сосредоточенная, хотя первым уроком была не математика, её любимая, а история Отечества; они сидели за одной партой с первого класса, после того как познакомились на линейке. Семейный совет собирался по поводу Стефана до этого раза еще

два: когда мама объявила, что беременна, ей было сорок, и на совет пришел семейный врач, доктор Роберт – он-то и смотрел потом Капельку, ему она тоже понравилась «такая чистая и начитанная девочка»; и когда думали, в какую школу его отдать: военную, где учился Эдвард, частную или просто простую. За простую был дядя, он сказал: «Во-первых, вырастет демократом, а во-вторых, научится разговаривать с девочками, ну и, в-третьих, драться; а значит, будет настоящий человек», – и это прозвучало мудростью; обычно он думал только о деньгах и сигарах. И мама согласилась, купила Стефану форму цвета бирюзы, рюкзак из настоящей кожи, набила его бутербродами, села в «Тойоту-Камри» серебристую и привезла сына на праздничную линейку. И Стефан сразу ужасно всех испугался: он никогда еще не видел столько народу зараз; сжал до треска в стеблях букет белых астр и закрыл глаза; открыл, когда девочка, стоявшая рядом, спросила:

– А почему ты глаза закрыл – боишься?

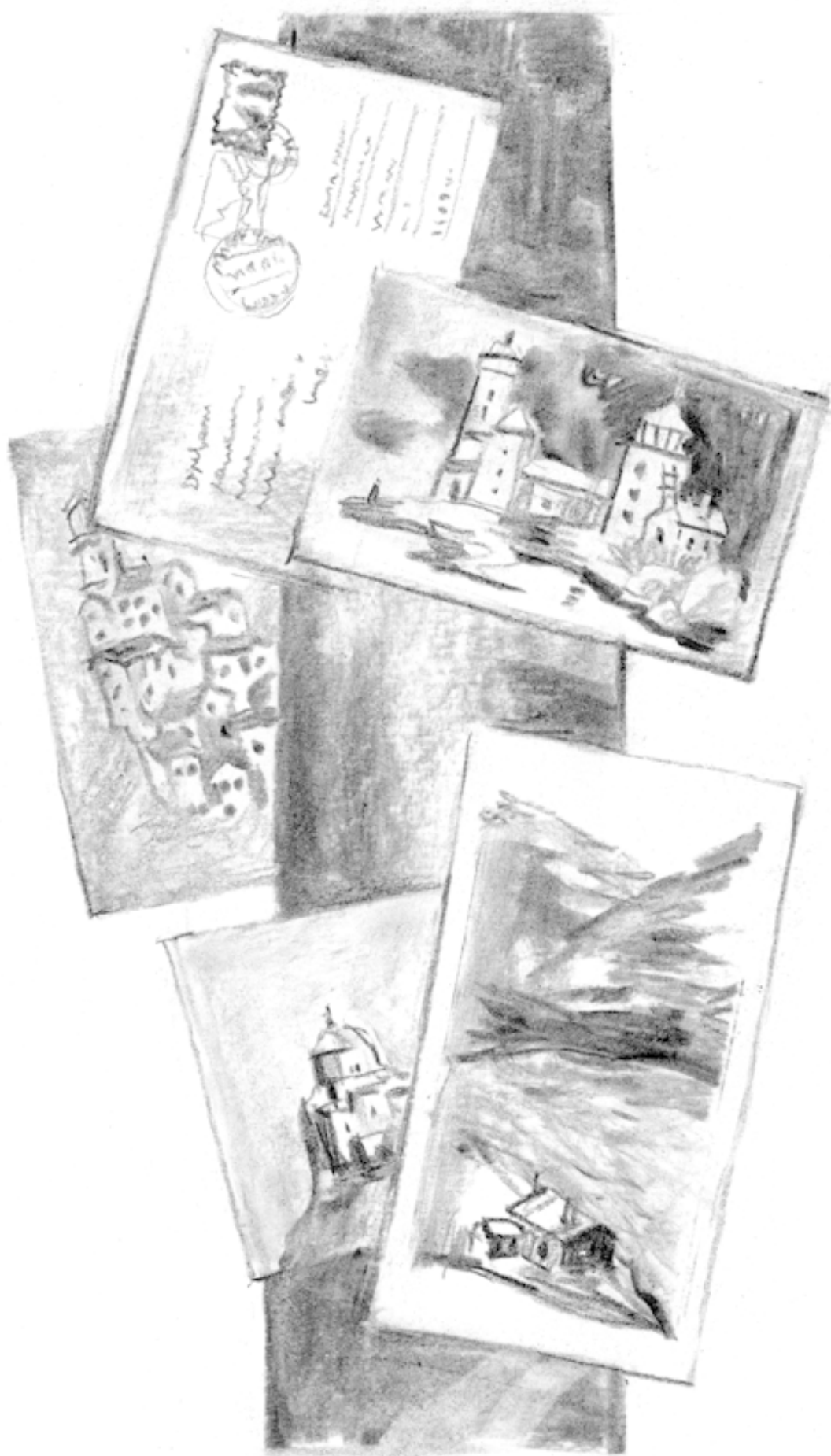
Он сразу же открыл их и увидел её; рядом с ним стояло еще несколько девочек, но их он так и не увидел – до конца школы; а вот она сразу выделялась – тоже маленькая-маленькая, как и он, и в очень странном наряде – ни белых бантов, ни передничка кружевного; в длинной замшевой юбке, бусах из дерева, она была похожа на колдунью.

– Я ничего не боюсь, – сказал он, – я просто очень спать хочу...

В тот же день он первый раз подрался – за неё; она назвала свое имя и получила прозвище Капля-сопля, и дернули за косу, тогда до пояса едва. Стефан сказал: «Эй, не смейте!» – и получил в глаз; и весь следующий урок – рисование – они просидели вдвоем в девчачьем туалете: прикладывали к его распухающему, как гриб, глазу мокрые носовые платки, но синяк всё-таки выплыл – настоящий мальчишеский фингал; а вечером был семейный ужин в честь первого сентября, и дядя, закуривая очередную сигару, повернулся поздравить Стефана и обомлел: «так скоро», – и даже спичкой ожегся... Все последующие дни Капельку после уроков встречал брат Река: он был красивый, словно снежная ночь. «Мама сказала, что они сделали его на очень красивом пляже, под звездами», – ответила маленькая Капелька на кокетливый вопрос молоденькой учительницы; темные волосы до плеч, карие глаза с ресницами, словно черные бабочки; курил без конца и брал Капельку за руку, и они шли: она – подпрыгивая, он – подволакивая ноги – застенчивые юноши часто так ходят, словно тащат груз; покупал ей мягкое мороженое и выслушивал всю детскую ерунду с чувством глубочайшего интереса. Стефан потом прочитает его рассказы о Капельке в тетрадке с парусным кораблем на обложке; и ему было непонятно и тоскливо – Эдвард никогда не заговаривал с ним, с рождения, и даже за столом просил маму: «Скажи ему, пусть передаст сливочник». Он шел за ними каждый вечер; прятался за тумбами в пестрых афишах, пока однажды Капелька всё-таки не заметила его в отражении витрины и не закричала: «Ой, Стефан! иди к нам!» – и он вышел, ожидая насмешек, как грязи, когда машина проезжает стремительно, нарочно; но Река молчал и улыбался своей неземной улыбкой; а потом они пошли к ним в гости – в огромный деревянный дом, в котором всё разваливалось и лежало не на своем месте: зубные щетки вместо гвоздей, рубашки на дверях, цветы росли из пианино; и познакомился с остальными братьями и сестрами – всех назвали, словно открытки с видами: Облачко, Осень, Снежок, Лепесток, Ромашка, Луг, Калина; мама им всем приготовила огромный торт в честь Стефана, а папа зажег свечи в саду; и Стефану казалось, что он герой какой-то необыкновенно красивой книжки – про море, про далекие города, про детей, которым можно быть такими, какие они есть – странными и ясновидящими; и пропустил свою маму на «Тойоте-Камри». Она испугалась – похитили, подняла школьный двор, милицию, директрису; и так все узнали, что Марвес непростой...

Но оказалось, что он боится так много, словно ему уже не пятнадцать, когда можно водить корабли, а совсем мало; нужно сидеть в детской и играть в шахматы с медведем из плюша и бархата; он сначала не понял, что значит «беременна»; он смотрел, как Капелька раскладывает карандаши по пеналу, и слушал разговоры за спиной; а потом сказал маме – она уже

вышла из ванной, в пижаме из блестящего атласа и, если бы не накладывала крем, могла бы сойти за фею из «Питера Пэна»; мама вскрикнула и разбила крем, ночной от морщин; на звук прибежал папа с биржевой газетой и смотрел на них, как на заговорщиков в Сенате – император. А через день собрали совет, и вот Стефан стоит и крутит бахрому; мама ездила в больницу к Капельке с мандаринами и персиками; но больше никто из семьи не захотел её видеть. И когда родился ребенок, он один поехал на автобусе на край города, где была больница; и увидел там опять Реку, не менявшегося с возрастом, только проступила щетина, и её родителей с цветами; и ему было стыдно-стыдно: оказалось, мальчик. Его забрали Рафаэли; ван Марвесы предложили свою помощь: памперсы, питание, элитный детский сад; ван Марвесы были богаты – одни из самых богатых в стране; но Рафаэли отказались не потому что гордые, а потому что самое главное, что нужно, – это любовь, а её ван Марвесы дать не могли – странной девочке с ребенком, тоже оказавшимся странным; он никогда не плакал и только смотрел – огромными глазами цвета северного ветра, серыми, как затянувшийся на неделю дождь; его называли Светом, потому что он был беленький, будто сиял, будто родился не из плоти, а был принесен феей, и родился в ясный день. Стефан часто приходил к Рафаэлям, играл с ребенком; но Свет так и не привык к нему и «папой» назвал Реку; он рано очень заговорил и пошел, держась за руки всей семьи Рафаэлей; доктор Роберт приезжал его смотреть по просьбе мамы ван Марвес и нашел его необыкновенным. Стефан боялся, что Капелька не будет с ним разговаривать, но она рассмеялась только на его робкую просьбу – «иногда видется». «Что с тобой, Стефан? кого ты боишься? приходи по-прежнему, когда захочешь; ведь мы еще за партой вместе сидеть будем два года». В одиннадцатом классе у них родился второй ребенок, тоже мальчик; только в этот раз крикливый на редкость, сразу с золотыми волосами и глазами, как море и небо – сливаются в одно – головокружительно синими; его называли за яркость Цвет и дали поддержать Света. Семейный совет уже не собирался; дядя проклял тот день, когда посоветовал отдать Стефана в простую школу; у мамы случилась истерика, и её увезли в больницу; а всё опять из-за одного раза – он остался ночевать и впервые прикоснулся с рождения Света к Капельке; узнав, что опять беременна, она хохотала: «снайпер!» – и второго ребенка приняли Рафаэли. «Может, вам пожениться?» – робко предложил папа. – «Она не хочет», Капелька и вправду не хотела: «мы еще молодые»; они протанцевали вместе выпускной, Стефан поступил в университет на международную журналистику; богатством его родителей и дяди были СМИ: два мужских журнала, три женских, альманахи по цветоводству и вязанию; наука и медицина; автомобили и международная политика; экономика и бухгалтерия; два телеканала с новостями; утренние и вечерние газеты. Капелька еще не придумала, чем ей заняться; ей очень хотелось путешествовать: Река присылал ей открытки с разных красивых, как он, мест; и она собралась вслед за Рекой, но в самое сердце лета её сбила машина – она умерла легко и незаметно; словно улетела; и на её похороны приехали все ван Марвесы: привезли огромный белый венок, оплатили похороны, не слушая в этот раз Рафаэлей, и попросили детей. В доме снова обустроили детские, купили Цвету всё, что ему приглянулось; он носился по дому, играя в пиратов и разбойников; не знал слова «нельзя», пролезал везде: в кабинеты папы, Эдварда; мешал бумаги, рисовал на них цветы и лица, Эдварда это раздражало, и он купил квартиру в городе; а папа смеялся и расслаблялся; любил сажать Цвета себе на колени и рассказывать ему страшные истории.

Цвет был похож на Капельку – ничего не боялся, обо всем мечтал. А Свет пошел в ван Марвесов – узкое невзрачное лицо; темные волосы на уши, глаза с поволокой. Он любил смотреть в окно и читать; был любимцем мамы; она красилась, одевалась на банкет, а он сидел тихо на кровати рядом и любовался ею, как стеклышком. От него всегда пахло чем-то тонким – свежим, прохладным, горьковатым, будто полная деревьев улица после дождя. Однажды ночью Стефану позвонил Река – откуда-то издалека; в трубке, таинственно шелкало; и сказал странную фразу после всех «привет – привет – как дела?»: «Осторожнее, Стефан, Свет ясно-видящий...» – и их разъединили. За окном лил дождь, был поздний вечер, и Стефан смотрел на телефон, как спектакль «Гамлет» – необъяснимое; и стал наблюдать за Светом. И понял, что с Капелькой в его жизнь вошла не только любовь, но и загадка – откуда любовь берет силы и откуда берутся дети. Свет всегда знал, какая погода будет завтра и у кого что болит; а однажды к ним в гости пришла старая мамина школьная подруга: она забыла за разговором, клала ли сахар в чай, а не любила сильно сладкий; мешала, мешала ложечкой, и вдруг Свет сказал поверх стола... он читал всё это время «Денискины рассказы», Стефан дал её со словами: «она смешная», но Свет не смеялся – смотрел будто сквозь неё, будто читал другую книгу – Маркеса, Джойса. Стефан расстроился: почему он вообще не читает детских книг... и вдруг Свет сказал: «Там три ложки сахара; слишком сладко, по-моему, попросите лимон» – так внезапно; он никогда не вмешивался в разговоры взрослых, но тетенька будто достала его своей нерешительностью. Мама опрокинула свою чашку, ойкнула, хотя чай был уже негорячим; все поняли, что случилось. Будто прозрели, сравнили все свои совпадения; дядя потом в кабинете стал задавать Свету вопросы из выпуска новостей, исторические, даже процитировал что-то из Нострадамуса, пока Свет не встал и не ушел тихо в свою комнату; дядя крикнул, застыдился: «Ну что? Я просто... интересно же...»; все решили не концентрировать на этом внимание; ясно-видящий в семье медиамагнатов – просто заголовок для желтой прессы; мама лишь купила Свету всего Набокова – единственный каприз...

Иногда Стефан приводил Света и Цвета с собой в университет, когда не находили няни; Стефана очень любили в группе за ненадменность и улыбку; словно старый фонарщик пошел зажигать фонари на улице имени Андерсена; тяжелые, закопченные, из чугуна; на лесенке, маленьким факелом – цивилизация в средние века; и с мальчиками сидела вся группа. Девчонки кормили их шоколадом, восхищались шумно ресницами Цвета, а Свет опирался на колени Стефана и боялся отойти. «Стесняется», – с чувством распробованной булочки с корицей говорил Паултье – одноклассник; он готовился быть фотографом в горячих точках. Темно-темно-рыжие волосы, почти бордо; серьга в левом ухе; он был любимцем Цвета, таскал его на плечах, разрешал трогать фотоаппарат; а Света все оставляли в покое, и он шел по коридорам, держа Стефана за руку и прижав к груди какую-нибудь мягкую игрушку; говорил он мало, только: «Пап, а можно в туалет?»; но Стефан только в эти минуты чувствовал, что он – его; дух от духа, плоть от плоти; словно читал красивую книгу или смотрел из окна с высоты...

А когда пятый курс подходил к концу, на доске кафедры появилось странное, как модель парусника в горном краю, объявление:

Администрация города-порта Гель-Грин, строящегося в бухте Анива, приглашает на постоянную работу журналиста для написания материалов в международные СМИ о строительстве порта. Жилье и северные гарантируются. Обращаться на кафедру международной журналистики.

Университет был крупный, как Моби Дик; рядом с другими: «Дойлю и Пересу из группы сто восьмой явиться к декану седьмого числа в одиннадцать часов – для выяснения обстоятельств драки, произошедшей между ними в общежитии номер два пятого числа»; «первому и второму курсу пройти срочно флюорографию»; «экскурсия в Музей современного искусства

– быть всем»; и подобные – суета сует, пена дней, обрывки жизни; по объявлению скользили глазами, не находили ничего важного. Кто-то вечером посмотрел новости: «Пап, бухта Анива – это где?»; пока объявление не сдуло сквозняком – в окна пришла весна. Всё капало, на улицах разливались чернилами лужи; на объявление наступили грязным ботинком – тот самый Паултьё, волосы темно-темно-рыжие, почти бордо; в левом ухе серьга – потомок пиратов; кожаная куртка. Вслед за Паултьё шел Стефан; он смотрел под ноги и поднял листок; медленно, словно еле умея, прочитал.

– А, ван Марвес, проходите, – сказал и.о. зав. кафедрой; сам зав. уехал в Америку – за архивом 11 сентября, писал докторскую. Стефан прошел – он был такой тонкий, узколицый, молодой, что и.о. всегда хотелось его усыновить, накормить, почитать Диккенса: чай, кофе? Кофе «Максим» растворимый, чай в пакетиках, «Ахмад» с корицей...

– Нет, спасибо, – сказал мальчик; он всё стоял с объявлением в руках, мятым, грязным, и думал: судьба это или так просто знак свыше; можно забыть, – у вас тут объявление упало...

Лаборантка обернулась: «А положите на стол, потом приклею»; она поливала цветы и была влюблена. Стефан ван Марвес положил и спросил, как о времени:

– А бухта Анива – это где?

– Далеко, – ответил и.о., – зачем вам, Марвес? У вас отличные перспективы на будущее. Слышал, вы проходили практику в посольстве Великобритании. По ней и будете писать диплом?

– Нет, по Индонезии, скорее всего; экзотичней. Я с братом ездил, у нас там киностудия. А как далеко? – Стефан понял, что это то, что нужно; будто угадал, что хочет на завтрак: яйцо всмятку, два тоста со сливовым джемом и яблоко белый налив.

– Лететь на самолете до столицы, потом до севера, где ничего не ходит уже. И там будет вертолет. Никто не хочет – безумие. Слишком холодно, много ветра и снега и еще море – брр...

– Дайте телефон.

И.о. посмотрел на мальчика внимательно, словно тот спросил его о смысле жизни; лаборантка перестала поливать цветы и прислушалась, а Стефан думал – это не дети; просто я хочу уехать, понять, жив ли я; а и.о. сказал:

– Вы что хотите доказать этим, Марвес? Вы прекрасный журналист и без влияния родителей; смелый, стремительный, даже дерзкий; а в Гель-Грине талант не нужен – там нужны здоровье и ремесло, понимаете меня?

– Да, – ответил Стефан. Он ответил «да» грязному листку бумаги в его тонких, девичьих пальцах, ногти с маникюром; Капелька всегда завидовала – свои она изгрызала до корней; и пошел сквозь наступающую весну домой – пешком, через парк, наполненный лучами, водой и птицами, как рай. Дома была одна прислуга; Свет и Цвет были в детском саду; он набрал номер: опять что-то неземно звякало, как в разговоре с Рекой; «где ты, Река, вечный бродяга, – подумал Стефан, словно позвал, – ты бы поехал... если уже не там...» – и ответил мужской голос, темный и хриплый от расстояния:

– Да; Гель-Грин; Расмус Роулинг слушает...

– Кто вы, Расмус Роулинг? – прокричал Стефан, слышно было ужасно, как из-под подушки.

– Начальник порта, а вы?

– Я журналист, звоню по объявлению...

– Вы студент или как?

– Да, заканчиваю...

– Хотите у нас работать?

– Да.

– Здесь тяжело...

– Рассказали.

Повисло молчание, будто Расмус Роулинг накрыл трубку рукой и советуется с кем-то в комнате. Стефан представил огромного бородача в галстук и кирзовых сапогах, рассмеялся тихо; в окно врывалось солнце: «интересно, там есть весна?»

– Эй, а как вас зовут? – снова в ухе возник голос издалека.

– Стефан ван Марвес.

– Голландец, что ли?

– Предки...

– А-а... Это хорошо. Значит, море в генах есть... Ну, приезжайте. Знаете, как до нас лететь? До столицы, потом на север – до полюса; там через полюс вас заберет вертолет. Скажите ваш адрес, мы вам деньги вышлем...

– Мне не нужны деньги, – но Расмус уже не слышал; проорал обратно адрес: «правильно?» – и отключился, словно убежал. Стефан смотрел на телефон, и радость наполнила его, как кувшин наполнился бы водой, для цветов с полей; Река приносил такие Капельке, и они стояли долго-долго: «они стоят так долго, потому что кувшин глиняный, это особая магия», – повторяла весело Капелька...

– Прощай, Капелька, – прошептал он. А на завтра вечером был опять семейный совет. «Я думал, ты будешь у меня в журнале работать», – повторял дядя, мама морщилась от дыма его сигар, сухой и тяжелый, словно камин плохо разгорался; папа молчал, сложив перед собой узкие, как и лицо, руки; Эдвард кривился: для него Стефан был черной овцой и еще – он женился два года назад, а детей всё не было; и только одна мама поняла: «Оставьте его в покое; всё за него уже сделали, жизнь расчертили, график, а он сам хочет пожить».

– Мы видели, как он сам умеет жить, – Эдвард кинул взгляд, будто чиркнул спичкой о коробку, – двое детишек незаконных к двадцати...

– Помолчи, – оборвал его отец и повернулся к Стефану: – А ты не молчи – отвечай, что за безумие? Ты хоть знаешь, что это – Гель-Грин?

– Порт, – пожал плечами Стефан; он опять стоял у окна, те же самые зеленые занавески.

– Огромный порт, – сказал отец, – мирового значения... Но его только строят; там нет даже домов. Бухту только открыли – это было огромной сенсацией, – два молодых брата; но ты даже для них слишком молод... Это очень ответственно, понимаешь? У тебя дети, ты их с собой туда возьмешь?

– Да, – и дядя застонал; он тоже привык к Свету и Цвету, всегда приезжал с подарками: в этот раз была железная дорога на дистанционном управлении. Потом все молчали и пили кофе – каждому свой, и Стефану опять не принесли; он стоял и смотрел в окно, как гаснет день, и думал: «Хочу уехать, увидеть мир»; он не знал, почему подобрал это объявление; он просто чувствовал, что где-то далеко есть совсем другой – настоящий Стефан, который ничего не боится и учит этому своих странных детей...

«Как хочешь», – был папин вердикт; «Подумай, Стефан», – дядя и Эдвард. Через три дня пришли деньги с точным указанием рейсов – время и место; и Стефан сложил вещи; когда он закрывал чемодан, вошла мама с толстой черной курткой из сверкающей болоньи с меховым капюшоном. «Зачем это, мам? я взял пальто». «Возьми», – и густо покраснела, словно призналась, что любит не отца, а другого мужчину, – я смотрела новости – там все в таких ходят; там холодно и влажно»...

Цвету было четыре года, Свету шесть – скоро в школу; и Стефан думал, есть ли там школа; купил на всякий случай учебники, новые ботинки, кучу разноцветных свитеров и всё боялся, что они не захотят поехать вместе с ним; будут плакать, прощаясь, в аэропорту. Но они шли спокойно, держась за руки, в голубой – Свет и оранжевой – Цвет кепочках; Цвет крутил головой: ему всё было любопытно, он был из первооткрывателей. И Стефан с облегчением понял, что, может, наоборот, к лучшему; с папой и мамой Цвет превратился бы в обыкновенного избалованного подростка, каким был Эдвард; а Свет был для него загадкой; как Река; как река. Они спали, обнявшись, в самолете. «Какие милые, – сказала стюардесса в синей форме, – ваши братики?» – и принесла им по куриной отбивной с оливкой внутри и фигурного шоколада. Стефан смотрел на облака внизу; везде у него спрашивали паспорт – выглядел он на пятнадцать, застрял во времени, Марти Мак Флай, когда его жизнь началась и закончилась; рассеянно целовал детей в макушки и покупал им мороженое и орешки по первому требованию. «Мы не упадем?» – спросил шутливо толстяк по соседству, пристегиваясь, у Света; мальчик посмотрел на него огромными серыми глазами; и, как потом толстяк рассказывал своим друзьям за пивом, «они у него словно засветились изнутри, словно корабль с призраками начал подниматься со дна моря»; и Свет ответил: «Нет; вы умрете от сердца, через много лет, в больнице с синими стенами; мой папа – во сне, дома; а Цвета убьют люди с черной кожей, он будет великий путешественник, а я... еще не знаю» – и погрузился в созерцание ночных огней внизу. «Свет», – шикнул на него Стефан, люди вблизи оглянулись; а толстяк попросил через час стюардессу пересадить его в соседний салон. «Там экономкласс, сэр». – «Ничего, я доплачу». – «Напротив, он стоит дешевле»; и все оглядываются; «вот видишь, что ты натворил; напугал человека», – сказал Стефан, а Свет покраснел от обиды: «он сам спросил» – и отвернулся к иллюминатору; «только этого еще не хватало» – так они поссорились...

А потом был большой город, в который Стефан всегда мечтал попасть; брат был там и Река тоже; рассказывали разное – цветные книжки с картинками, альбомы с фотографиями, огромные дома на горизонте сквозь огни полосы; но их сразу пересадили в маленький странный самолетик – словно игрушечный, Цвету быть пилотом; с ними сел еще один человек – огромный, как медведь, в унтах с синим бисером, шапке-ушанке; почитал немного книжку, автобиографию Хэрриота, и заснул; под ногами плыло ночное небо. Стефан смотрел, как исчезает город; Свет тоже уснул под храп и привалился к нему на плечо, легкий, как белый цветок; ему

снилось что-то быстрое, потому что веки двигались; Цвет играл в винтажный тетрис, подаренный на прощание бабушкой; странно, вроде мама, а вроде бабушка – не возраст, а состояние; как деньги, больше денег; а потом самолетик ухнул в воздушную яму, посыпались в багажном отделении коробки с фруктами, которыми уже пропах салон – виноградом и яблоками, и Свет проснулся, и человек в унтах тоже; увидел отца и отстранился, будто совсем чужой...

В три часа ночи они прилетели. Самолетик сел мягко, будто на постель кошка прыгнула; человек в унтах помог вытащить вещи. «Вы куда?» – «В Гель-Грин; интересно, нас кто-нибудь встречает?» – «Антуан, должно быть, он людей возит; Гель-Грин – боже, как это здорово; вы верите в Бога? а он в вас, значит, верит». Человек в унтах оказался полярником, летел из отпуска обратно на льдину. «Идите на вокзал, погреемся, кофе попьете; а их – с собою?» – кивнул на мальчиков; они натянули капюшоны, в которые свистел ветер, словно хотел унести в свою страну, полную иголок; Цвет прижался к Свету, будто в мультфильме увидел что-то страшное: великана с дубинкой, Снежную Королеву...

В зале аэропорта было тепло, как от камина; в углу журчал фонтанчик, и никого не было, горело табло с рейсами. Стефан поставил сумки у кресел, купил в автомате два какао, и велел вести себя тихо и пошел искать администратора, дежурного, кассира – кого-нибудь живого и в форме; в коридоре и туалете тоже было пусто, и Стефану показалось, что он в каком-то заколдованном мире; что Цвет прав, всегда играя в пиратов и путешественников; реальность порвалась, как старый батист при стирке, и можно выбрать мир, в который хочешь пойти, посмотреть на дороги и башни. И вернулся в зал ожидания, а там с детьми разговаривал человек в теплой, как у него, в куртке; сидел на корточках, меховой капюшон свалился на спину, светлые волосы блестели в свете плафонов, словно парчовые.

– Здравствуйте, – сказал Стефан, усталый, заблудившийся. – Вы кто?

Парень встал, и Стефан увидел, какой он красивый, молодой и яркий; как рыцарь с картины прерафаэлиты – губы с цветов; глаза карие. Парень улыбнулся. Он выше его на голову, и Стефан вспомнил кинохроники Первой мировой войны; в университете на парах истории им приносили из музея бобины, ставили в древний кинопроектор, они шуршали и щелкали, и изображение подрагивало, как ресницы Света от сна и лица в них были вот такие – смелые и странные; думаешь, их давно нет на свете, а они этого не знают, они вечные и прекрасные; герои, у которых за спиной были крылья, а не смерть...

– Привет, я Антуан Экзюпери, а вы, надеюсь, Стефан ван Марвес?

– Да.

– Все думали, вы старше... Малыши ваши?

– Мои.

– Хорошие, – парень словно говорил о породе, – я ваш пилот; вертолет до Гель-Грина – еще не передумали? – и засмеялся, будто мог быть отрицательный ответ; а Цвет смотрел на него снизу влюбленно, как на фейерверк. Антуан подхватил их вещи, словно они не весили ничего, всех лет одиночества, и пошел к выходу, где взлетные полосы; там были люди, все живые, все в форме. «Привет, Антуан, как летается?» «Высоко, Энди» – и они снова попали под снег, колючий, как осы; вертолет казался огромным, как гора; и в него загружали эти самые сладкие коробки с фруктами. Антуан постелил сверху пледы. «Неудобно немного, но можно поспать» – и они снова взлетели; Стефан в жизни так много не летал, но словно брал с собой землю, так страшно было и тяжело. Он уже жалел, что поднял объявление, прочитал; лучше бы дома с дядей спорить об Америке, её самоуверенности и скором конце; зарабатывать деньги, деньги, деньги... Он смотрел вниз, на маленький и нестерпимо красивый городок: он лежал внизу спящий, так и оставшийся неизведанным, как множество больших, как множество чувств и блюд. «Что это за городок?» – «Край земли» – «Странное название» – «Это не название, это смысл», – и Антуан опять засмеялся; и Стефан подумал – хорошо быть Антуаном, видеть честные, смелые сны про облака, любить девушку далеко-далеко от Гель-Грина в голубом платье, а

любимые цветы – нарциссы; иногда ей говорят, что ты умер, что ты больше не вернешься, что нашел другую, если не умер, но она умеет ждать; и однажды прилететь к ней, сесть на городскую площадь, засыпать её перед этим с неба цветами – голубыми и желтыми нарциссами, и всё у вас будет хорошо... Стефану казалось, они летели тысячу лет; он сказал Антуану, тот отогнул наушник, в который бормоталась погода: «Что?» – «Долго нам еще лететь?» – «Не очень, еще половина пути; вам невтерпеж или уже не нравится? жалеете?» – «Я понимаю, трусам и старикам там не место...» – «И всё такое...» – продолжил за него Антуан, нырнул в облако и поднялся над ним, будто с женщиной танцевал; и Цвет вскрикнул от восторга – на востоке небо сияло серебристым и оранжевым, изумрудным и розовым, словно кто-то красил и не мог выбрать.

– Северное сияние, не видели никогда?

– Только белые ночи.

– Тоже диковина, – согласился Антуан, будто они сидели в зеленом казино, пили кофе, играли по маленькой; будто знал Стефана сто лет, не боялся совсем; одни синяки и воспоминания. – А о Гель-Грине что-нибудь знаете?

– Тоже диковина?

– Ага. – Антуан опять нырнул в облако и опять вынырнул.

«Вальс, раз-два-три», – подумал Стефан, посмотрел на детей: Цвет размазался по окну, а Свет притулился на одной из коробок, закутался в плед, словно гнездо свил, и спал, пропуская всю красоту; но Стефан не боялся: всё равно Свет видит это во сне...

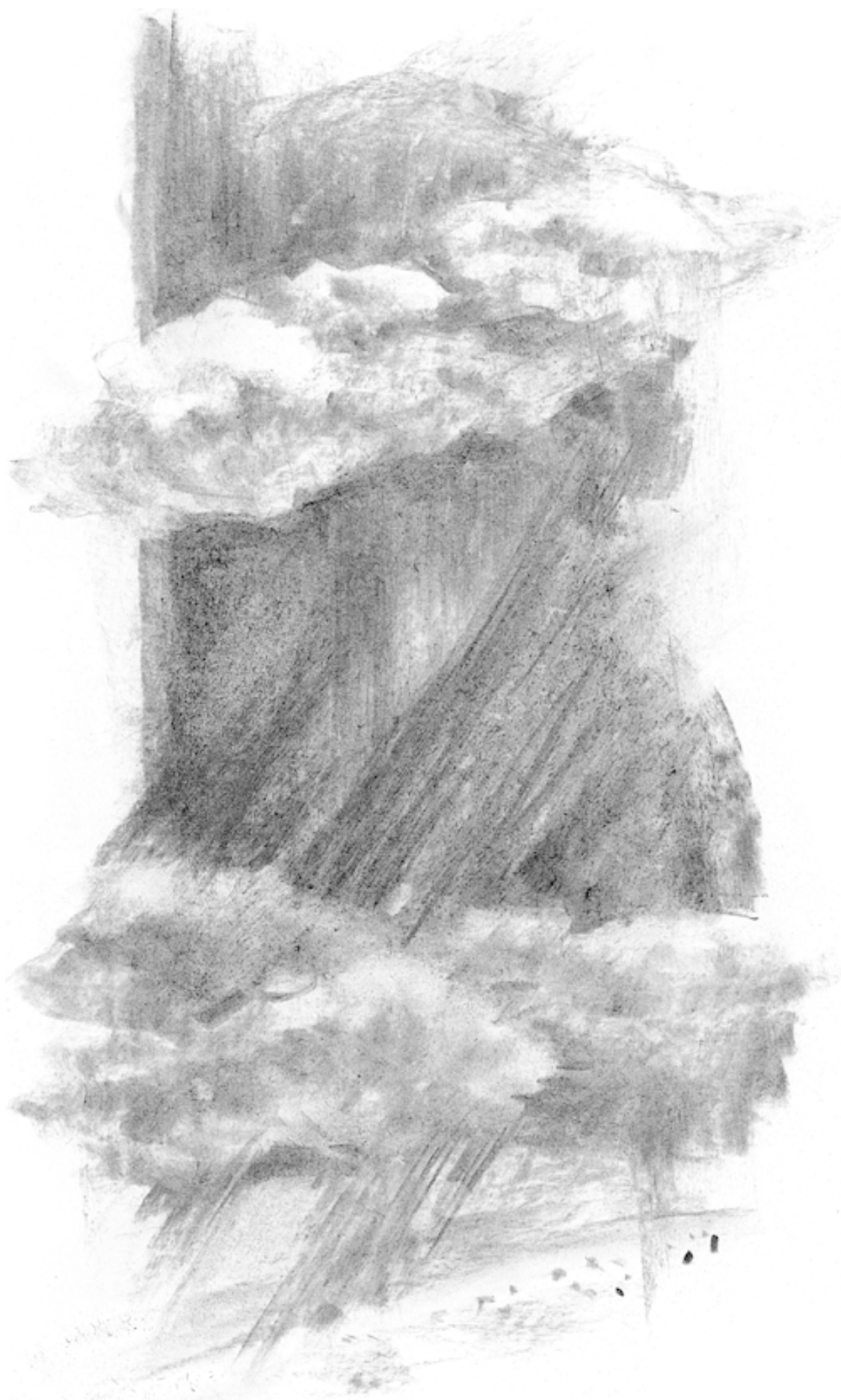

– Гель-Грин... – будто это имя Бога – Гель-Грин открыли два брата, Жан-Жюль чуть старше вас, двадцать? ему двадцать два, он инженер водного транспорта; а Анри-Поль – геолог, братья де Фуатены; на этом же вертолете летели и увидели бухту, назвали Анива – в честь своего виноградаря в Провансе; кстати, их отец по сей день там делает вино, присылает им ящик на Рождество. Гель-Грин – это горы, лес сосновый, море и недалеко лесная река – Лилиан, это в честь мамы; предполагается там чинить корабли...

– Корабли? Они уже есть?

– Нет, что вы, только сваи заколачиваем, по уши в грязи. Анри-Поль уходит в экспедиции в горы, нашли уже уголь и малахит, а Жан-Жюль – что-то типа мэра; еще есть Расмус Роулинг – начальник порта, собственно, всё начальство; сумасшедший парень, очень классный, мы с ним вместе католическую школу закончили и оба пошли в механики...

– А парня по имени Река у вас нет? – и Стефан понял: нет; Река по сути своей бродяга, не мастер. Антуан вопроса не расслышал, потому что опять пошел вниз, под облака, которые уплотнились, словно пена в ванне; ночь же под ними напоминала темноволосую женщину в черном бархатном платье – Тоску; Стефан смотрел и смотрел сквозь темноту; потом к нему на руки пришел Цвет и тоже заснул, похрапывал тихонько, будто щенок крупный, пустил слюнку; Антуан же улыбнулся, словно прочел хорошее – о звездах, розах, маленьких принцах; истину; он и не подумал, что Стефан – их отец; подумал, что братья без родителей...

«Подъем!» – разбудил он их через час; снизу надвигались огни – редкие, как капельки начинающегося дождя; пахло остро и холодно, и Стефан понял, что под ногами вода, бездна. «Это море?» – спросил Свет, и Антуан кивнул, прочитав по губам; Свет поразила его темнотой взгляда, он вспомнил: есть легенда о том, что море – это мальчик с глазами цвета погоды, и Свет, казалось, знает этого мальчика. Гуляли вместе по пляжу; весь мир – это мальчики, они как цветы: погибают – великая печаль; растут – не жалко; море дышало у них под ногами, вертолет чуть не касался лыжами; Цвет схватил за руку Света, Свет прижал его к себе – и Стефан понял: люди им не нужны; они сами по себе, неразлейразные, луна и солнце; а потом из темноты надвинулся берег, словно тело спящего дракона; из него – два огонька, крошечных, как сахаринки, красный и желтый; и Антуан пошел вниз, теперь совсем, и у Стефана не стало сердца. Он начал искать его по свитеру, а вертолет шел вниз и вниз, и огни становились подвижнее – кто-то махал двумя факелами на земле. Вертолет стукнулся об землю, и Антуан выпрыгнул в дождь; Стефан сполз следом, под ногами кружилось.

– Привез? – раздался голос из темноты и дождя, расплавленного серебра.

– А как же, – и на Стефана вышел из серебра человек, протянул руку; факелы он держал в другой.

– Не передумали-таки? нам чертовски нужен журналист, а то про нас всякий бред на Большой земле пишут, будто мы тут нефть добываем, или отмываем топазы, или никакого Гель-Грина нет вообще, – рука оказалась крепкой, как коньяк десятилетней выдержки на голодный желудок; а сам человек – молодым, черноволосым и небритым, длинноногим, в кожаной одежде, куртке теплой из болоньи – точь-в-точь как у Стефана в сумке; и лицо его, острое, со скулами как лезвия, глазами огромными и карими, как два колодца, было не отсюда, не из этого столетия – такое стремительное, страстное, сосредоточенное; будто со средневековых рисунков – рыцарь из свиты Жанны д'Арк, Расмус Роулинг, начальник порта, к вашим услугам; а это кто?

Его изумление, будто что-то выскользнуло из рук вдруг драгоценное и не разбилось – только разлилось, относилось к сонным мальчикам в пледах; дождь будил их, как звонок: Цвет в руках держал оранжевого плюшевого медведя, вытащенного за путешествие из сумки; Свет же смотрел на небо, огромное, как сосны.

– Это мои дети, – и Стефан подумал: вот, сейчас скажут: нет, дети нам не нужны, уезжайте – и опять быть не собой, а ван Марвесом; ну что ж, впрочем, может, и к лучшему; Свету в этом году нужно в школу; допишу диплом, пойду в магистратуру. Дождь перемешался со снегом, и Стефану показалось, будто это морская пена, ветер её сбрасывает на плечи; он подставил ладонь и лизнул – снег оказался соленым, нарушение всех законов.

– Это от моря, – сказал совсем другое Расмус, – оно повсюду; вы через час пропахнете им, как селедка... А дети – это хорошо, у нас детей немного; но детский садик есть и первый класс; только вы не сказали, что у вас дети есть; мы бы вам вагончик побольше поставили...

И сердце Стефана нашлось – словно вышло проветриться, погулять; вернулось легкое и веселое; он принял сумки от Антуана, пожал руку и ему. «Увидимся!» «Еще бы; напишешь про меня»; Расмус стал вырывать сумки. «У меня родители тоже решили, что здесь нет ничего; даже посуду дали», – оправдал Стефан тяжесть; они шли через поселок: несколько вагончиков, блестящих от дождя; дома из дерева, легкие, как шатры; детская площадка, настоящая, с мокрыми качелями и горками, – Цвет сразу побежал, и пришлось бежать следом, брать на руки, ругать, выслушивать в ответ; а Расмус смотрел с открытым ртом и ухмылялся в рукав; Свет шел по-прежнему молча, словно мир не казался ему новым. Стефан промок весь, замерз в пальто; его вагончик оказался на самой окраине, если вообще были центр и край; тонкая дорожка из светлых досок, прогибающаяся под весом шагов; он устал так, что готов был умереть. Расмус открыл вагончик и отдал Стефану ключ: «Хотелось бы, конечно, пороскошнее,

но они удобные, правда; печка с тремя режимами – сушитесь; и кровать; завтра принесем две детских; радио, берет весь мир; чистое белье в шкафу и полотенца; вода в душе негорячая, правда, но стабильно тёплая; холодильник; у нас магазин и кафе, подвоз продуктов лучший в мире; не «Хилтон», конечно, но вполне для простых ребят; располагайтесь, отсыпайтесь и привыкайте к мысли, что это ваш дом; стены раскрашивать, заклеивать плакатами с Заком Эфроном и «Звездными войнами» – разрешается», – взъерошил на прощание макушку Цвета и ушел; длинные ноги его запоминались, как женские. Стефан раздел детей, повесил одежду на печку – длинную белую батарею с духовкой и конфоркой; градусники Фаренгейта и Цельсия; затолкал в душ. Цвет в душе заснул, Свет вынес его на руках, а Стефан стелил постель, путаясь в пододеяльниках – он впервые что-то делал сам; белье пахло лавандой – словно не край земли, а старинное бабушкино имение; пруд, полный кувшинок и золотых монет – чтоб вернуться. Нашел в сумке пижамы; Цвет ни в коем случае не хотел расставаться с медведем, и когда Стефан из душа пришел ложиться, места на кровати ему осталось на одну ногу. Они заснули уже, и разбудить – как наказывать; он долго смотрел на них, полный нежности, розовой, как сирень, и тихо постелил себе на полу; запах моря бурлил в нём, как имя композитора, очень известного, забытое случайно, мучительно, или художника, чья картина всегда нравится, два слога; лежать и вспоминать, как смысл жизни; и он долго не спал, смотрел, как сквозь дождь серый свет вползает в вагончик: «я на краю земли»; и только когда стало совсем светло, он уснул; без снов, как упал; и проснулся от стука в дверь...

«Где я?» – подумал он, пытаясь найти ответ быстро, как документы; он научился думать об этом, путешествуя с дядей, просыпаясь в комнатах, полных портьер и цветов; сел на полу, пропахший постелью; слабый серый свет, словно сквозь ветки, заросли, пробивался в жалюзи: «Гель-Грин, тысячи километров от дома». Стефану стало тоскливо и страшно, будто он выпил яд; стук повторился; в вагончике была двойная дверь: прозрачная сетчатая открывалась внутрь комнаты, а белая металлическая – на улицу; судя по свету, вновь дождь. Мальчики спали обнявшись; волосы их перепутались, как у влюбленных на старинных картинах: Тристан и Изольда, Джиневра и Ланселот; от них шло тепло больше, чем от печки; Стефан завернулся в одеяло и открыл обе двери. С металлической на него с грохотом обвалилось ведро холодной, как удар кинжалом, воды; стукнуло по голове и со звоном откатилось по земле; раздался хохот, и его опять облили – чем-то сладким; запах – яблоки с карамелью.

– Доброе утро, Стефан, – услышал он сквозь воду в ушах Расмуса, – посвящение в гель-гриновцы, выпей-ка...

И ему сунули граненый стакан с этим вторым, сладким: белое вино; Стефан выпил, и мир стал круглым; не удержался и сел на порог. Вино было теплым и тягучим, золотым, как янтарь.

– Грей выпьет его, когда будет в раю, – сказал он наконец; вода затекла под одеяло, и он стал искать в нём сухие места, – Расмус, я отомщу, не бойтесь; выставлю вас в первой же статье героем...

– Только попробуйте, ван Марвес, и Жан-Жюль тотчас же введет цензуру; знакомьтесь, Стефан ван Марвес, наш журналист, а это наш мэр – Жан-Жюль де Фуатен, – и второй парень подал ему руку, посмотрел как на друга; красив он был до необычайности, Мальчик-звезда: лицо овальное, как медальон, темные волосы, выются, как гиацинт; глаза синие, с черным блеском внутри, словно смотришь в глубокую воду с корабля и видишь сквозь прозрачность что-то на дне, большое и темное; бежишь к капитану: «Остановите, остановите!» – вдруг другой корабль, столетиями раньше, серебро, оружие; но уже прошли, пролетели, координаты не запомнили, вот и мучайся полжизни... Он тоже был в темно-синей куртке из болоньи, джинсах цвета индиго; пожал руку Стефана, как женскую, едва коснулся – предпочел обнять бы, и спросил: «Ты не обиделся?» – голос у него был мягкий и славный, тоже темно-синий, будто он разговаривал с тобой о душе и Ницше, что-то важное...

На шум проснулись Свет и Цвет; вышли, заспанные, будто проспали сто лет в окружении роз. Цвет по-прежнему волок за собой оранжевого медведя и засмеялся сразу, увидев мокрого Стефана; однажды он проделал такую шутку с дядей – не тем добрым и толстым, с игрушками, а с Эдвардом, с таким тонким лицом, будто его и не было вовсе; и дядя этот после орал долго на папу и переехал в другой мир, хотя ведро упало мимо, затопило ковер; Стефан схватил Цвета в охапку, намочил, а Свет стоял на пороге и смотрел на людей – как издалека.

– Привет, – сказал Жан-Жюль; Расмус сказал ему о детях, но всё равно было странно – тонкий, как невзрачная девочка, Стефан, никакой затаённой грусти в лице, как клада под яблоней, а уже двое детей, – отличная пижамка; я – Жан-Жюль, мэр этого города, а ты кто?

– Свет, – голос тихий и ясный, словно стихотворение о комнате с открытым на море окном; в три строки.

– Славное имя или это прозвище?

– Имя, – Свет удивился, обычно никто не сомневался и не переспрашивал, зная об их бредовом происхождении.

– А брат? – и Цвет высунул яркую мордочку из-под одеяла.

– Цвет, – крикнул он сам, – четыре лет.

– Года, – поправил Стефан, и его стукнули по голове, – вы извините, он «Шторм» Вивальди и эти фильмы страшные про детей – кнопки на стуле, чернила в белье, тараканы в супе – все про него; ночью, Расмус, вы говорили что-то про детский сад...

– Ну, нужно сначала кому-то просохнуть, а? И позавтракайте – в шкафу полно псевдоеды; а потом мы с Жан-Жюлем зайдем опять и как в школе – покажем вам город, порт, место работы; компьютеры у нас все эппловские, вы на «Эппле» работаете?

– У меня их ноутбук с собой...

– Отлично. Детишек по пути закинем... – Расмус будто порядок на столе наводил; допили вино: «это от моих родителей; семейный виноградник...» – Жан-Жюль покраснел, будто стеснялся, будто это был невесть что за неловкий секрет: ну что за родители, виноградник какой-то, нет бы в городе жить, юристами работать; потом Расмус и Жан-Жюль ушли. Стефан затолкал детей под душ, открыл шкаф – еда и вправду была в пакетах: сухое молоко, рафинад, йогурты; «Ахмад» липовый и с корицей; пакеты с кофе и сливками; смесь для приготовления омлета; сушеные овощи; бульонные кубики и специи. На столике стоял бледно-голубой тифалевский чайник; Стефан, путаясь в одеяле, заварил чай; навел, алхимича, омлет – «кажется, съедобно»; Цвет засмеялся опять – он учился любить отца, но как младшего, болтал ногами и обо всём; Гель-Грин ему нравился: место, полное открытий и запахов. Свет же ел молча; он был неприхотлив, как все первые дети; к тому же рос первые годы у Рафаэлей; мир казался ему книгой, которую нужно перевести на свой язык, а отец в ней – примечания; можно не читать, но многое объясняет. Сам Стефан не заметил вкуса, натянул свитер потеплее и увидел на дне сумки куртку; услышал голос мамы, вспоминая её руки, улыбку, задохнулся, и вообразил голоса Жан-Жюля, Расмуса: «О, почти как мы» – и застегнул стремительно, будто что-то порвал, не надену; не моё; надел уже потяжелевшее, отсыревшее пальто – оно пахло ночью, солью, пылью, слабостью; и в дверь застучали. Расмус в своих черных кожаных штанах, худой, длинноногий, рыцарь Розы; и Жан-Жюль, он нестерпимо нравился Стефану, как похожий; если в Расмусе была сила, что остро заточенный нож, оттого было страшно – не оправдать доверия, ожиданий, больших надежд, то Жан-Жюль улыбался твоим шуткам и говорил – как вел за руку, а не скакал через темы и камни; напоминал себя – молодого и нашедшего в жизни прекрасное, но это прекрасное может раздавить: не по размеру...

Цвет опять взял медведя, Свет – учебники и пенал; они вышли на землю, и опять полетел снег. «Почему он соленый? – спросил Стефан у Жан-Жюля, – ведь, по школе, соль не испаряется...» Тот пожал плечами: «есть вещи, которых не угадать: почему в одних горах есть золото, а в других нет, и корабли затонувшие, и любовь...» «физика – не любовь...» «вы еще про смысл

жизни поговорите!» – подошел Расмус; он нес Цвета на шее, оттого вынужден был постоянно отвлекаться – на все интересные булыжники, пучки водорослей, вынесенных в бурю, ракушки со сколотыми краями; карманы и его, и Цвета уже были набиты под завязку. Свет же шел тихо, прислушиваясь ко всем звукам: прибою, словам, стуку сердца, крикам птиц, ударам и грохоту машин из порта, подволакивая ноги – он чуть косолапил, как и Стефан; походка внимательных и задумчивых, не сознающих себя красивыми. Жан-Жюль засмеялся в ответ, как на анекдот про альпинистов. «Ну ладно, я направо, детей отведу, а вы посмотрите порт, в обед встретимся у Лютеции», – и взял Света за руку; тот удивился и посмотрел вверх на него, как на небо, с которого падал снег. Расмус спустил Цвета, Стефан попытался поцеловать его – Свет отвернул щеку, и Стефан вздохнул: будь дома, мама помирила бы их, сам он не умел с ними общаться; и Расмус повел его в порт.

– Начальник порта, – повторил Стефан, – звучит гордо, почти как человек...

– Ага, – ответил Расмус, – видели бы вы этот порт – три сваи и огромная лужа.

«Сначала ничего не видно особенного: ни величия, ни моря, просто огромная серая вода, гладкая, как атлас для подкладки шикарного пальто; весь берег изрыт бульдозерами, как изгрызен; почва твердая, вечная, горная; груды щебня, привезенного песка, расколотых в мелкое камней; среди всего этого стоит Расмус Роулинг и матерится: не хватает машин, подвоз материалов вечно задерживается из-за погоды; странное место для порта...» – Стефан подумал и убрал; стало смешно, словно книжку с картинками смотрел, и там у кого-то мохнатые брови, и в них брусника растет; он сидел за стойкой и писал в блокнот – синяя клетка, пружины, корабль в сто парусов на обложке – он блокнотами всегда пользовался для очерков, никогда диктофоном; Жан-Жюль пришел минутой назад, они с Расмусом сели за постоянный свой столик – у окна, а Стефана послали за заказом – «три кофе, пожалуйста: один по-венски, один с вишневым ликером и капучино».

– Это ты журналист? – спросил бармен вдруг; у стойки сидело еще несколько человек – видно, рабочих, все в куртках и пахли солью и табаком; кто-то пил кофе, кто-то чай – спиртного днем не подавали, это сказал Расмус; он только и делал, что говорил, а Стефан записывал, и Расмуса это смешило, он пытался разобраться в каракулях: у Стефана с первого класса был странный почерк – как восточная вязь – длинные хвосты и неправильные соединения, только Капелька его читала; Река писал еще хуже – придуманным ими с детства шифром, превратившимся в привычку. Когда Стефан зарисовал примерно буровую вышку, записал последние данные о породах: «это лучше к Анри-Полю, он завтра из леса вернется с бригадой, и будут уже новые замеры». Расмус объявил по радио перерыв; и они пошли в кафе – легкая конструкция из дерева, на сваях из сосны, еще пахла свежим; пронзительно, как после дождя. «Счастливчик Джек», – прочитал Стефан и опять записал; ему казалось, что он не пишет, как раньше, а рисует. «Это так хозяина зовут?» – «Нет, его любимого моряка – Джека Обри; какой-то английский капитан, воевал с Наполеоном; книжка Патрика О'Брайана». Стефан расстроился: Наполеон был одним из его кумиров; Черчилль, Честертон, Чосер и Наполеон.

Подниматься нужно было по легкой лестнице, винтовой, из металла; наверху была декоративная башенка – дозорная; стекла на дверях разноцветные; внутри неожиданно тепло, маленькие столики на троих – идеальная компания; стойка из той же корабельной сосны; Стефан сел рядом на высокий металлический стул и почувствовал запах смолы; здешний воздух так был полон запахов, что хотелось набрать его в бутылки, не флаконы, а в такие большие, квадратные, из-под виски – дарить друзьям на Рождество; пахло солью; рыбой, ветром, землей, влагой; зал был полон; на стенах висели корабли, все – английские парусники времен Наполеоновских войн: «Каллоден», «Голиаф», «Зэлэ», «Орион», «Одасье», «Тезей», «Вангард», «Минотавр», «Беллерофонт», «Дефанс», «Мажестье», «Леандр», «Мютин», «Александр», «Суифтшор»; и над стойкой, в самой большой и красивой раме, с резьбой и позолотой, – «Сюрприз». Видимо, того самого Джека Обри.

– Так ты журналист? – повторил бармен; был он огромный, будто по ночам перекидывается в вервольфа; темноволосый и молодой, загорелый до грубого; в рубашке из байки в синюю, зеленую и белую клетку, с северным акцентом, вытирал руки таким же полотенцем; и все скатерти и салфетки на столах были той же расцветки. – Расмус о тебе очень беспокоился, сказал, что ты, кажись, столичная штучка и можешь нос задрать...

– Ну и я задираю нос? Я уже полчаса жду кофе, чтобы оттаранить его не абы кому, а начальнику порта, мэру и лучшему журналисту округа, потому как пока других нет и сравнивать не с кем, – и о жалобной книге даже не заикнулся!

Бармен засмеялся; смех у него был густой, как повидло; рабочие начали оглядываться, и Стефан почувствовал себя в центре мира; залился краской и чиркнул в блокноте загогулину, побег плюща. «Он мне нравится, Расмус!» – проревел бармен, Расмус махнул ему из-за стола; на салфетках они что-то чертили с Жан-Жюлем. «Вот твой кофе, меня зовут Тонин, как сахалинский маяк; главное блюдо сегодня – пирог с грибами»; и Стефан двинулся сквозь толпу с горячими чашками. «Это хорошо, что ты понравился Тонину, – встретил его Расмус, – он у нас как лакмусовая бумага – оценивает до шнурков на ботинках; еще у него бывают видения, всерьез; он необыкновенный – жил десять лет в тайге, охотился на бурых медведей, наизусть знает биографии всех английских капитанов, готовит, правда, ужасно». Жан-Жюль прыснул в чашку: «Да ладно, всё равно все едят; ты можешь и ужинать здесь, если захочешь, и взять еду с собой; «Джек» работает с шести утра до двух ночи». Капучино заказал Жан-Жюль, с вишневым ликером – Расмус, кофе по-венски любил Стефан; но здешний кофе по-венски выглядел так, будто его готовили в котелке на костре, а шоколад настрогали охотничьим ножом.

– Как Свет и Цвет, никого не замучили? – Жан-Жюль мотнул головой; по дороге он увидел, как один из бульдозеров ушел под воду – парня еле спасли из холодной воды: просто поехала насыпь для железной дороги, и теперь нужно было вытаскивать тягачом этот бульдозер, удалять насыпь; всё время что-то случалось. Подошел единственный официант – подросток, который еще не имел права на вождение грузового транспорта: тонкий, высокий, стройный, как модель, – рабочие дразнили его переодетой девочкой; глаза яркие, как пламя; он сбежал из детского дома в Гель-Грин – упросил Антуана довести, согласен был на любую работу; а в кафе ему нравилось: он любил разговоры, смех, готовить кофе и клетчатую одежду; ему казалось, что море и мир – это одно. В меню была куча рыбы, каких-то ракушек, морской капусты; тушеные овощи и пельмени – цена шла в трех валютах; и еще был пункт – «в счет зарплаты». Стефан заказал себе пирог с грибами – оказалось, круглый, закрытый, очень горячий; внутри еще курица и лук; и Тонин был прав – единственное съедобное блюдо; пришлось делиться с Жан-Жюлем и Расмусом, заказавшими рыбу в желе, холодную и клубничную...

После «Джека Обри» они пошли в мэрию; одноэтажное здание, тоже на сваях, тоже сосна. «Сейчас Лютеция покажет тебе план города, можешь отксерокопировать его». – «А кто такая Лютеция?» – «Лютеция Жаннере-Гри – главный архитектор Гель-Грина и... – Расмус

посмотрел на Стефана строго, как воспитатель, – моя девушка... Поймаю за шашнями – убью обоих». – «Его любимая опера – «Кармен», – сказал Жан-Жюль. – Он преувеличивает: Лютеция даже не знает, что она ему нравится; она думает, у него только работа и маяк...» «Маяк?» – но они уже вошли по легкой лесенке, дрожавшей под ногами, как веревочная; внутри тоже пахло деревом и солью; и Стефан понял, что и сам уже так пахнет, будто изменилась кровь, вся химия; сверхъестественное: соленый снег, люди – ясновидящие, его сын, бармен Тонин, леса вокруг, как первобытные; играла настоящая виниловая старая пластинка – Франко Корелли, ария Каравадосси из первого акта «Тоски»; от стола оторвала взгляд и вправду восхитительно красивая девушка: смуглая, волосы цвета красного дерева – некрашенные, настоящие, струями, как в мультфильмах Диснея, до пояса; яркие брови, ресницы, губы; только розы ей не хватало в зубах – в них она держала карандаш и еще один – за ухом; была в джинсах и темном толстом свитере, в сапогах под колено без каблучков.

– Здравствуй, Лютеция, ты хоть обедала? – спросил Жан-Жюль; на ватмане стояла коробочка из-под йогурта; Расмус смотрел в пол, будто потерял там страшно нужное, – знакомься, это наш журналист, Стефан ван Марвес; ему нужен план города. И вообще – поболтайте, а мы почешем; у нас насыпь съехала, – девушка кивнула непонятно на какой из пунктов – про обед или про Стефана. Даже карандаш из зубов не вытащила, подумал Стефан, – не любит говорить или не любит отвлекаться.

– Насыпь – это интересно, – сказал Стефан – парни ему нравились в деле больше девушек, да и план города ему представлялся вещью, которая не убежит, как редкая книга.

– Нам нужно рассказать о плане города срочно, в «Таймс» и в «Монд», они ждут уже месяц; и для ТВ всех мыслимых. К тому же это не так скучно, как думаешь, – план нового города; а скучно – это насыпь; мы с ней дня три провозимся, еще напишешь репортаж, – и Стефан просидел с Лютецией до вечера; он думал – влюбится; но она пахла сандалом, иланг-илангом и черной смородиной. «Emotion» от Laura Biagiotti? – спросил Стефан, – у меня мама его покупала весной, в депрессию; говорила, повышает уровень счастья, как сахар» – так они стали приятелями; в углу на столике стоял еще один «тефаль», пили чай – «Ахмад» с бергамотом; Лютеция любила запахи; с собой в Гель-Грин она привезла только ватман, карандаши, немного одежды, любимую кружку и аромалампу; и только когда за окнами стемнело, они заахали, свернули чертежи и рисунки, и Стефан проводил её до дома – легкого, деревянного, уже обсаженного кустами рододендрона, и пошел искать свой вагончик. Свет в окнах горел, и Свет готовил что-то на плите; настроили радио – музыкальная станция в стиле ретро, оркестр Гленна Миллера; Цвет играл на полу в пиратов: кубики изображали вражеские корабли, а фрегат «Секрет» палил из всех своих пушек; красное дерево, паруса из китайского шелка – ручная работа; одна из последних слабостей дяди; пахло теплом и уютом. «О, папа пришел!» и Цвет направил на него пушки левого борта; Свет налил чаю: «Как вам день?» Цвет пустился в описания драки с каким-то Ежи, а Свет молчал, глаза у него слипались. «Вы ели что-нибудь?» – «Да, нас в детском садике покормили и с собой пирога дали»; Стефан узнал грибной пирог из «Счастливого Джека»; они попили чаю и легли спать: мальчики и оранжевый медведь на кровати, Стефан на полу...

Сначала Стефану снилось немного моря, потом сон ускользнул, словно чужой, и стал сниться дом в городе: мама, портьеры с бахромой, рыжая кошка; Стефан у себя в комнате, где всё еще висят плакаты «Мулен Руж» База Лурмана на французском, английском и русском; а потом раздался крик – и он вынырнул из сна, как из ванны: Свет сидел на постели, подушка свалилась на пол, к Стефану; Цвет плачет и обнимает брата: «не бойся, Свет, я с тобой...»; словно что-то давно происходит, кто-то болен, а Стефан занят и не знает, а все думают – ему всё равно.

– Что случилось? – спросил он, нащупал лампу, которую они привезли из дома, включил свет; оранжевый шар на выющейся стеклянной ножке, три уровня яркости. – Свет, плохой сон?

Свет замотал головой; лоб у него был мокрый и волосы – у ушей они длиннее, почти бачки – тоже мокрые. Стефан выпутался из своего одеяла, сел на кровать, обнял сыновей вместе с мишкой.

– Ну что случилось, скажи?

Свет молчал, словно не помнил; Стефан тоже умолк и просто сидел так с ними; теплыми и маленькими. Цвет заснул; Стефан уложил его осторожно к стене, нашел в шкафу апельсиновый сок и налил Свету полный стакан; тот выпил и лег на край поднятой подушки, поморгал немного на лампу, как котенок, золотящимися глазами; и тоже задремал. Стефан посидел на краю, подождал, пока он не задышит глубоко; на часах была половина четвертого; тела не чувствовалось, как после сильной боли. Он выключил лампу и лег на пол; слушал, как дышат дети; потом встал, включил на самый тусклый режим лампу и снова посмотрел на время: было пять. Он опустился обратно на постель и просто сидел; перебирал мысли, как вещи; увидел: как светлеет; бледно-бледно, перламутрово; отодвинул штору – опять снег...

Белый-белый, бархатный он покрыл землю Гель-Грина, как нечаянно заснувшую девушку пледом. «Я думал, у вас весна», – сказал Стефан днем Жан-Жюлю; они шли вместе между легкими, как кружево, домиками, вагончиками, превратившимися под снегом в загадочные избушки эльфов, гномов; – Томас Кинкейд такой; вели мальчиков в детсад; один из домиков, с детской площадкой, той самой, которую видел Стефан в ночь приезда; Цвет побежал к другим детям, лепившим снежную бабу; они приветствовали его индейским кличем и закидали снежками. Свет побрел к площадке, как еще чужой, медленно, подволакивая ноги, – и Стефан впервые посмотрел ему вслед, увидел: Свет шел, как Река и как Жан-Жюль – красиво и неуверенно, словно знал, что ему смотрят вслед; Стефан испуганно обернулся на Жан-Жюля: «Что?» – «Ты говоришь: у вас... ты еще не чувствуешь себя гельгриновцем...» Стефан спрятал нос в сырой соленый воротник. «Я написал материал про план города, кому его нужно показывать?» – «Про город – мне, про порт – Расмусу, про другие работы – раскопки, пласты, лес – Анри-Полю». – «А где он?» – «В горах, с бригадой; ищут остатки пропавших цивилизаций; ну и полезные ископаемые от случая к случаю», – и засмеялся; толкнул Стефана в бок, показал на снег: «Покидаемся?» – и Стефан не успел сообразить, о чем это он, как снежок влетел ему в лоб...

Мокрые, они ввалились в мэрию; Лютеция подняла темные глаза от чертежа: «О бог мой», вытаращила, как в мультиках; поставила сразу чайник, вытащила из ящика стола гречишный мед: он пах, как она, – ночью, травой; Жан-Жюль разулся, поставил ноги в синих с Пиноккио носочках на батарею, закурил – суперлегкие, стал читать статью, медленно шевеля губами, словно заучивая наизусть; Стефан молча балдел – Жан-Жюль нравился ему, как вещь на витрине. «Хорошо», – и перекинул Лютеции через стол для уточнений; она почиркала термины карандашом, вынутым из-за уха, налила всем чаю и вернулась к работе. Так застал их Расмус, мокрый, заснеженный, волосы в сосульки: Стефан исправляет старательно, язык набок; Лютеция чертит, в черном свитере, волосы темные в пучок, элегантная, как роза; Жан-Жюль греется у батареи с сигаретой.

– Ничего себе! Я там в порту по уши в грязи, вытаскиваю чуть ли не зубами трактора из моря, думаю, где мэр – поддержать морально; где журналист – описать всё в пестрых красках; а они сидят у самой красивой девушки города в тепле и уюте, попивают чай, покуривают свои суперлегкие, паршивцы; я тоже хочу чаю! – и скинул сапоги, высокие, тонкие, из черной кожи, скрипящие при ходьбе, как старая дверь, закатал штаны и поставил ноги на батарею, потеснив жан-жюлевские; его носки были совсем безумные – полосатые, черно-красно-желтые, под колено, почти гольфы, и вязаные. «Бабушка с Антуаном присылает», – пояснил он, набивая трубку; Стефан представил себе бабушку Расмуса – такую же худую, с узким и выразительным лицом, с богатым прошлым, до сих пор красное нижнее белье – и сжал губы; смеяться хотелось,

как в туалет. Но Лютецию произошедшее не шокировало ничуть; она налила чаю с бергамотом и медом в третью чашку – все они были из синего стекла – и вернулась к работе.

– Как дети? – начал светский разговор Расмус. – Не жалуются?

– На что?

– На воспитательницу...

Жан-Жюль опять прыснул в чашку, как чихнул – обрызгал себя и Стефана, извинился; видимо, шутка была для посвященных. Стефан опять почувствовал себя чужим, никому не нужным, странным и невысоким; он поставил свой чай на столик и сказал: «Нет; я не разговаривал с ними никогда» и стал смотреть в пол, деревянный, некрашенный, со следами грязных ботинок. Кто здесь убирает? Неужели стройная, как экзотичная статуэтка, Лютеция? Набирает полное ведро воды, шлепает тряпку на швабру из этой же сосны...

– Ты что надулся, ван Марвес; я не хотел тебя обидеть, просто воспитательница в детском саду – моя младшая сестра, девочка с причудами, потому и спросил; а ты сразу в бутылку лезть, как сувенирный кораблик. – Расмус поставил свою чашку рядом, надел аккуратно сапоги: штаны он вправлял внутрь, оттого казалось, что сапоги и штаны – целое; длинные черные ноги – спасибо, Лютеция, прости, что очередной раз вваливаемся к тебе, ведем себя как мужланы без высшего образования; а ты, обида, пойдешь со мной, на бульдозер помотришь и вообще – творческие планы на будущее...

Лютеция коснулась на прощание его руки, легко, как птица; «хорошо написано; правда это будет самый прекрасный город на свете?»; и весь оставшийся день он провел с Расмусом; человеком-ножом, средние века, века рыцарства; смотрел на море. К обеду опять пошел снег, полетел с моря в лицо, мешал смотреть; бульдозер втащили на насыпь, превратившуюся в месиво. «Непогода», – сказал в обед Тонин; пирог с брусникой – из лесов вокруг; печенные с сахаром яблоки, куриная отбивная; два кофе, с вишневым ликером и по-венски, – шоколад теперь словно нарубили топором. «Он знает», – сказал Расмус и объявил в порту штормовое предупреждение, конец работ; позвонил по черному сотовому величиной с кусок брусничного пирога Жан-Жюлю. «Здесь есть связь?» – у него значок связи всегда был перечеркнут. «Да когда как: хотят – работают, не хотят – не работают; только у Анри-Поля всегда всё хорошо; его Гель-Грин любит, и еще иногда слышатся чьи-то чужие разговоры – на всех языках; даже совсем странные – будто из прошлого века; первые телефоны, как патефоны; приглашают друг друга в оперу... на что, правда, не слышно...» Стефан так и не понял: шутил Расмус или рассказывал историю. «Пойдем лучше заберем твоих детей и засядете дома с чаем, как весь Гель-Грин; и еще – заберем из садика кровати; Тонин сказал, что сделал их и оставил там». – «Тонин?» – «Да, он делает здесь все, что из дерева; первый плотник на деревне; весь поселок строил»... Они шли сквозь снег, густой уже как ткань, занавески из тюля на бабушкиной кухне; на детской площадке стояла большая снежная баба: настоящая морковка вместо носа, как на открытках рождественских, и глаза из пуговиц – синяя и красная; на верхнем шаре шляпа из соломки, полная искусственных розочек за лентой. Расмус улыбнулся незнакомо, ласково и одновременно остро – все из-за этих своих скул и губ тонких; постучал в дверь домика. Она открыла дверь и сказала: «О, привет; опять штормовое предупреждение или это я что-нибудь натворила?» – и Стефан понял, что ни о чем не думает. Расмус вошел, он следом: комната с камином, ковер пушистый на полу, белый, в разбросанных игрушках – медведи, зайцы, собаки с разноцветными ушами и лапами, юлы, кубики, пазлы – иезуитская «Деи Глория», классическая бригантина, конструкторы, пара кукол с длинными волосами, в платьях из шелка со шлейфами и кружевами; в камине трещал настоящий огонь, рядом на полу лежали аккуратно в башенке дрова; одно огромное кресло, тоже белое, как та снежная баба; в нём книги и коробка конфет; фантики тоже повсюду и книги – большие, с картинками, и маленькие, со стихами, и много-много картин – кто-то баловался акварелью. Посреди всего стояла эта девушка – она была как зима, наступившая в жизни Стефана, Гель-Грина; хрустальный бокал, малень-

кая, тонкая, хрупкая, в белом свитере и белых велюровых бриджах, босиком; покрашенные ногти, как у белки, – крошечные в серебристый; тонкое-тонкое, словно карандашом рисованное лицо; серые глаза с орех и много-много волос – целая шапка: белокурых, с золотом, до узеньких плеч. Это была сестра Расмуса – Гилти; они были совсем не похожи, как Свет и Цвет. У камина сидел и читал Свет, ноги лотосом, своего Набокова «Дар»; Цвет буйствовал с игрушками: плюшевые изображали солдатиков своей стороны, а пластмассовые – враждебной.

– Всех остальных уже забрали, – сказала она, переминаясь с пальцев на пятку, словно готовясь к сложному па. – Тонин поставил кровати в кухне; только в его вагончик они не влезут: Тон их на вырост делал, лет где-то до двадцати включительно...

– Очень смешно. Стефан, это Гилти, моя сестра и воспитательница ваших детей. Не поверите, но у неё на самом деле высшее педагогическое, начальные классы, – и Расмус подхватил на плечи Цвета, примчавшегося в восторге узнавания: дядя, у которого карманы полны ключей и ракушек.

– У меня в детстве была книжка скандинавских сказок, там так одну великаншу звали – Гилти, – отомстил Стефан за «его»; вокруг была комната, игрушки, дерево, за окном хлестал ледяной соленый дождь, и ветер рвал с корнем корабельные сосны – на мачты, по приказу моря; Расмус говорил что-то еще – Цвету, похожему на стопку гладиолусов; но всё как сквозь воду – Стефан стоял и смотрел, как она улыбается еле-еле, так начинает падать снег. «Я тебя знаю сто лет, помнишь? Бузинная Матушка благословила нас в весну, а осенью тебя заколдовали в лебедя; и я шла сквозь миры и болота, искала тебя, помнишь? Я сплела тебе рубашку из ивовых прутьев, и ты опять стал маленьким юношей с серыми глазами и с крылом вместо левой руки, помнишь? Мы были с тобой сто лет и умерли в один день, в один час, на большой постели из атласа; и розы разрослись из палисадника в большой сад вокруг нашего дома; и никому не добраться до наших могил, помнишь?» – вот такая это была улыбка – сказка в сто томов; она летала вокруг лица Стефана, как стая белых бабочек; и пахло стеклянным, прозрачным, жасмином и прохладой, как возле ручья.

– Очень смешно, – передразнила она Расмуса – точь-в-точь словно отразилась в зеркале; Расмус обернулся и нахмурился, и Стефан подумал – вот она, обратная сторона Луны; Расмус чертовски боится своей сестры, что она что-нибудь выкинет – знакомый страх; для своей семьи он то же самое, словно постоянно за тобой подглядывают. За окном всё темнело и темнело, словно Гель-Грин неродившийся накрывали куполом; «надо быстрее идти», – сказал Расмус; а она всё стояла и раскачивалась на ступнях, с носочков на пятки, и Стефана завораживали эти движения, как серебряный маятник; они были белые и тонкие, эти ступни, невероятно гибкие, словно ива; потом спросила: «Вы их сейчас заберете или после шторма?» – «Что?» – отозвался Стефан, как из сна про туман.

– Кроватки вы сейчас заберете? После шторма лучше. Вдруг попадете под дождь, а они и вправду тяжелые. Расмусу-то что, он обожает испытания, а вы хрупкий... как... я, – и улыбнулась, словно поняла, какую власть приобрела над бледным юношей с серыми глазами; как сивилла, предсказывающая будущее неуверенному императору; паутина слов и запахов, заглянула в душу, как за портьеру, – но сходите, посмотрите, они из сосны: еще пахнут. Тонин делал их всю ночь; очень хотел, чтобы понравилось... – Стефан покраснел и прошел на кухню, в стеклянную дверь, где виднелась плита. Там тоже всё было белое-белое, словно зимой равнина; ковер на полу; «это потому что она любит ходить босиком», – и ему захотелось прикоснуться к этим ступням, похожим на иву; болезненно в желудке и сердце, будто гриппом заболел; на столе стояли искусственные бело-серебристые цветы, посуда тоже вся белая, французская, для микроволновки; и пахло сладко-сладко. «Ты пекла пирожные? – спросил Расмус сзади, пригнувшись, как кот; Цвет выворачивал ему карманы, свесившись с плеч вниз головой, – если бы ты знал, ван Марвес, её пирожные – восьмое чудо света: белые крем и сливки с орехами, шоколадная нуга, розовое пралине – средневековая алхимия; она печет потрясающе, но только

раз в год; точный день установить не удалось, как и причины, к этому побуждающие, – может, Фрейд, а может, циклон... шучу!» – он увернулся от белого плюшевого медведя с голубым бантом.

– Кстати, – произнесла она голосом «секрет» и потянула с полочки сверток – белая атласная бумага для подарков; Стефан такую в детстве у мамы таскал из стола, чтобы рисовать: грифель ложился на неё сочно, как чернила.

«Что вы», – забормотал Стефан, но она всё улыбалась и улыбалась, белая бабочка летала вокруг, и у него закружилась голова.

– А мне? – проканючил Расмус. – Это несправедливо, я твой старший брат, в конце концов, берег тебя на жизненном пути, когда ты собиралась в постдетсадовском возрасте сорвать кувшинку в озере, где до дна было пять тебя...

– Но всё равно ты меня не любишь, – и она засмеялась тихонько, словно ветер толкнул стеклянные китайские колокольчики; кровати стояли у окна, от них пахло лесом, крепко, как луком, до слез; «да, мы сейчас не упрям»; Расмус потягал одну на вес. «Если они у тебя еще день простоят, простишь Стефану?» – «Стефану?» – пробуя имя на вкус, словно что-то очень горячее; «приходите завтра», – и опять улыбнулась. Стефан повернулся и обнаружил рядом Света, уже одетого: курточка, капюшон, шарфик, книга в руках, в рюкзаке – альбом для акварели, карандаши, краски и кисти; когда Свет не хотел ни с кем разговаривать, он рисовал странные картинки: девушек без лица, с длинными волосами, танцующих на огромных ладонях, словно вырастающих из пламени и цветов; маленькая игрушка – стеклянный шар со снегом и домиком-шале внутри: Свету привезли его из Швейцарии бабушка и дедушка, и он раньше даже спал с шариком под подушкой. Стефану он всегда казался кристаллом колдуна; ловцом снов. Он потянул было и Цвета с Расмуса – тоже в куртку, да тот разорался, даже укусил отца за палец; Расмус хохотал, уворачивался, прыгал по мягким медвежатам на полу, и они с Цветом стали играть в идальго. Стефан стоял и думал: я ничего не умею, не понимаю, а в комнате становилось всё темнее и темнее. Гилти выглянула за окно; «шторм, – напомнила она мальчишкам, – унесет вас в море – и поминай как звали, четыре «Летучих Голландца». Расмус поцеловал её в нос, покорно подставленный, и вынес Цвета без куртки – и на них упало небо, открывшееся огромной пропастью над головой, страшное, как в полнолуние, серебристо-черное, дышавшее холодом и влагой; Стефан почувствовал воздух, плотный, словно кусок натянутой ткани, мокрый атлас, настолько полный влаги и соли, что хрустел на зубах; соль мгновенно осела на плечи инеем, а море стало совершенно бесцветным, и только клубилось что-то на горизонте, будто армада парусных кораблей.

– Надо быстрее, мне еще добираться к себе, – и Расмус с Цветом на плечах зашагал широко, словно сказочный великан; Стефан еле-еле поспевал за его длинными, как сосны, ногами. Свет тихонько семенил рядом; книга по-прежнему была в его маленьких и тонких руках, запястья как из стекла; не пытел, не жаловался на быстроту; и Стефан расстроился, что невысокий, несильный, не умеет, не может. «Помочь?» – но Свет мотнул головой.

В вагончике было темно. «Свет отключили, – сказал Расмус, – не пугайтесь, так всегда во время предупреждения; на улицу не выходите, естественно; свечи в шкафу над плитой»; спустил Цвета, вздохматил макушку и ушел, словно его не было никогда, приснился. Стефан закрыл плотно дверь, раздел мальчиков; в чайнике вода была горячая, будто кто-то согрел и спрятался; Свет распечатал пакет – три круглых пирожных: бисквит, посыпанный кокосовой крошкой, – ежики, внутри сливочный крем, тертый шоколад и орехи. Попили чаю при свече, за окном гроыхало, потом сказал: «спать» – и они покорно полезли на кровать. Свет при свече читал Набокова; Цвет играл в солдатиков – бугры и складки на одеяле превратились в редуты и окопы; потом заснул с открытым ртом. Стефан правил статью по пометкам Лутеции и Жан-Жюля; иногда в стену ударяло – и вагончик вздрагивал как живой; Свет и Стефан поднимали глаза, смотрели за окно; бил дождь, и по черному стеклу стекала пена. Свет вылез из-под оде-

яла, сходил в туалет и попросил сока; и Стефан пошел к шкафу, открыл бутылку, сполоснул стакан с прошлой ночи, а когда повернулся, увидел, что Свет стоит у стола и читает с ноутбука его материал.

– Неправильно, – сказал Свет, – вот здесь... – и тронул серебриющийся, как дождливое окно, экран, – «на востоке будут рабочие кварталы». Они будут у самого порта, а на востоке построят вокзал – Бундок, – и глаза его потемнели, а рот приоткрылся, бледно-розовый, узкий, как лезвие; Стефан поставил стакан на стол, сел перед сыном, прикоснулся к его лбу – «заболел», горячий; взял на руки и отнес в постель. Свет вздохнул, повернулся на бок и заснул через секунду. Стефан посидел рядом еще минут пять, слушая рев моря в нескольких метрах от его нового дома, и подумал: «я не жалею? не жалею?..» – повторяя, словно переводя неточность; потом вернулся к ноутбуку, долго смотрел, сверял, зевнул, выпил сок, исправил «от самого порта, на востоке планируется построить вокзал» и понял, что до смерти устал; откинул одеяло и завалился прямо в домашних джинсах и свитере...

«Надену утром куртку, пальто промокло невыносимо», – и казалось ему, что он только коснулся лицом подушки, такой желанной, как женщина в средние века; как стук в дверь и голос Жан-Жюля, звонкий, словно он увидел землю.

– Проснись, проснись, Стефан! Анри-Поль вернулся! – Стефан застонал, нашарил носки, сапоги, надел опять, забыв, сырое, тяжелое, как собрание сочинений Диккенса, пальто и вышел из вагончика. Шторм завалил на детской площадке один «грибок», закрутил качели; на песке было полно водорослей и незнакомого цвета камней, ракушек; Цвет уже, вереща, скакал и собирал их, в пижамке и одеяле. В Гель-Грине было одновременно и ясно, и пасмурно; так бывает после долгой ссоры в отношениях, когда люди долго кричали, разбили что-то дорогое, а потом помирились благодаря мудрости одного, благоразумию другого, но еще не привыкли к миру; чувство вины и чуть было не потерянной нежности. Над сопками висел туман, прозрачный у краев, как красивое нижнее белье, открывая розовое и зеленое; небо, несмотря на туман, уходило глубоко ввысь, и казалось, там кто-то летает. Антуан, не пропавший без вести, потому что его ждут... Море было серым – но не как вчера, а серебристым, огромное количество пены у берега, будто кружевные капитанские манжеты. Свет сидел на пороге вагончика в куртке, тоже поверх пижамы; ноги в смешных шерстяных носках – в лучших традициях Гель-Грина – желтых, с черными носочками и пятками, читал своего Набокова; стеклянный шар лежал у его ног, будто ждал приказаний. «Ты в порядке?» – спросил Стефан; Свет поглядел на него удивленно, как на незнакомца, огромными глазами, и Стефан увидел, что они цвета вчерашнего неба. Жан-Жюль уже тянул его за рукав: «О боже, Стефан, у тебя пальто насквозь мокрое, через пару дней пойдет плесенью. Хочешь, Антуан привезет тебе куртку...» – а сам совсем не здесь, не со Стефаном, маленьким юношей; вперед, вперед, будто у кого-то день рождения или узрел чудо и боится, что не поверят; пока еще сохранились следы на траве... Доски-тротуары не скрипели, даже не прогибались под Жан-Жюлем – так быстро он бежал, летел, словно одуванчик; Стефан не поспевал следом: с недосыпа кружилась голова, и все эти перепады давления, хотелось есть, пересохло горло; а Жан-Жюль бежал так отчаянно, как под-росток или от чего-то страшного – от лавины или обвала камней; Стефану даже передался этот ужас – он оглядывался, нет ли там чего сзади; и возле порта, у самых голых свай, они врезались в толпу рабочих. Стефан подумал, что никогда не поедет с Жан-Жюлем на машине; на здоровом булыжнике поодаль сидел Расмус, кутивший трубку.

– О, привет, ван Марвес, – протянул руку, – не выспался, не просох, бедняга, – пожал и выпустил дым. – Что-то случилось?

– А где Анри-Поль? – Жан-Жюль раскраснелся от бега, выкрикнул, будто своя жизнь для него уже потеряла смысл.

– Анри-Поль? – переспросил Расмус, будто время. – Ты что, Жан-Жюль? У вас дома; моется, ест, курит; где ему еще быть? – Жан-Жюль посмотрел на него дико, как зверь, потом

остановился, прикоснулся ко лбу, засмеялся тихо: «О боже, прости, Расмус», – и побежал обратно по деревянным тротуарам. – Садись, Марвес, раз никуда не торопишься больше; табаку?.. а, ты ж не куришь... – и продолжил дальше слушать спор рабочих со стороны, как на сцене. Оказывается, во время шторма снесло все наметки из дерева для верфей; теперь решают – делать их по-старому или вообще убрать из порта и сделать в реке Лилиан: туда не доходит шторм, и лес для деталей рядом...

– А твое решающее слово?

– Как начальника порта? Мне кажется, я приношу порту одни несчастья. Уже полгода, а дальше наметок и свай я не продвинулся; сезон весны здесь – не любовь, а штормы и снег; в прошлый раз унесло в открытое море кран стоимостью миллион евро... Скоро меня, глядишь, окрестят Ионой и отправят следом... – он докурил и спрятал трубку в карман куртки, уткнул острый подбородок в воротник, но несчастным не выглядел; скоро рабочие подошли, сели на песок рядом; верфи решено было передвинуть к реке Лилиан – так просто, голосованием рабочих, будто этот город игрушечный. – Есть хочешь?.. конечно, тебя, беднягу, выдернули небось из постели, века невинности; ребята, это Стефан ван Марвес, наш журналист; он будет к вам приставать с вопросами и фотоаппаратом, но вы не пугайтесь – говорите, что думаете, даже обо мне, разрешаю, Дэвис, – и широкой толпой, растянувшись по тротуарам, они пошли к «Счастливчику Джеку»: табачный дым там стоял как пороховой после битвы с Наполеоном; все обсуждали шторм, у кого что пострадало. Расмус сел, как обычно, у окна, теперь Стефан догадался почему – оно выходило на домик Лютеции; «возьмешь мне кофе, а? и спроси, что сегодня съедобно; ты Тонину нравишься»; а когда вернулся, увидел, что за столиком их трое – Жан-Жюль и еще какой-то парень, высокий, темноволосый, с носом как бушприт, в красном свитере и сине-лиловых джинсах.

– Привет, – сказал неуверенно Стефан; кофе жгло пальцы, а незнакомый парень сидел на его месте и не думал двигаться; еле обернулся на приветствие и сквозь трубку в зубах кинул: «Капучино и черный с лимоном».

– Я не официант, – сказал Стефан отчетливо, так что обернулись соседи, – кофе, сука, горячий, сейчас пролью прямо на голову...

– Ты что, Анри-Поль, это же Стефан, наш журналист, – Жан-Жюль покраснел, как вечернее небо, и вскочил со скамьи, выхватил у Стефана чашки; незнакомец наконец обернулся – оказался ярким, как фламандский натюрморт: темные брови, губы вишневые, глаза темно-карие, шоколад горький с апельсином; и густые, черные, бархатные, поглощающие свет солнца ресницы; словно комната в старинном замке – богато убранная, с мебелью красного дерева, вышитыми золотом гобеленами, и в глубине мерцает камин; тоже густо покраснел и вытащил трубку изо рта, встал неловко, задрожали чашки. «Совсем не похожи, – подумал Стефан, – как Свет и Цвет, где истина?» – а парень протянул ему руку, как мост, через стол: «Простите меня, ради бога, просто вы такой маленький, тонкий, я подумал – Альберт, садитесь, пожалуйста» – и Стефан сел рядом.

– Всё начальство собралось, – зевнул Расмус, – только Рири Тулуза не хватает.

– Это наш второй геолог, – объяснил Жан-Жюль, – он сейчас в экспедиции, он тоже очень классный; они с Анри-Полем учились вместе – и в школе, и в университете; здесь все братья». Да, здесь все братья, повторил про себя Стефан и подумал – что-то изменилось, Расмуса словно поменяли; пришли чужие, нашептали в ухо; он выглядел усталым, будто всю ночь смотрел телевизор. Подошел Альберт – вербная веточка; принял заказ на два кофе, четыре пирога с капустой и брусничкой, четыре яичницы с беконом и перцем, салат из кальмаров – Расмусу, из морской капусты – Стефану; за соседними столиками поворачивались, орали: «Здравствуйте, Анри-Поль, вернулись? как горы?» – и Анри-Поль улыбался и отвечал: «Стоят...»; подходили к столику, пахли рыбой, жали ему руку жесткими, как жесть, ладонями; стоял шум и гам. Расмус задремал, опершись на окно, сполз лбом по запотевшему стеклу.

– Расмус...

– А-а, – он подскочил, побледневший, и Стефан подумал: а что снится Расмусу, начальнику порта, средневековому рыцарю, – сражения со святой Жанной или же пустая вода? – тебя Луи спрашивает. Луи – бригадир: огромная роба в соли, как в блестках, кирзачи. Расмус завернул пирог в салфетку, ушел. «Что с ним?» – «Маяк чинил» – «маяк?...» Дежавю; Жан-Жюль улыбнулся в капучинные усы.

– Когда у Расмуса депрессия, он уходит и чинит маяк... Ты не знал про маяк? Это же герб Гель-Грина – старый маяк на каменистой косе у сопок... Расскажи, Анри-Поль, – Жан-Жюль выглядел как фокусник.

– Вас, наверное, сразу работой закидали, – трубка перестала выглядеть невежливостью, потому что Анри-Поль курил всегда, как старые моряки с черными от моря руками, – даже на экскурсию не сводили. Мы когда летели на вертолете, искали место для порта – на карте вычисленное, первое, что заметили, – маяк. Он не просто старый – он древний; остался от другой цивилизации; Древний Рим или викинги, век второй предположительно. Из камня, серого, белого; замыкает бухту с севера. Механизм сломан безнадежно, половина деталей отсутствует – и непонятно, как должен выглядеть; но Расмус азартен – хочет его починить, говорит, что Гель-Грин начнется только тогда, когда загорится этот маяк, позовет корабли со дна моря...

– Жуть, – Стефан стряхнул мурашки, – и в это верят?

– Как знать, – сказал Анри-Поль и выдохнул дым, тоже пахнувший деревом, и глаза его таинственно мерцали сквозь этот дым, как елка рождественская в темной гостиной, – но сходить посмотреть всё-таки стоит...

И улыбнулся, как Гилти; словно знал Стефана в прошлой жизни; и Стефан опять очутился на изломе миров; Анри-Поль сидел за столом, и курил, и вырастал до размеров горы; Гель-Грин вставал за его спиной как войско; а потом пришел Расмус, мокрый от моря, прокричал: «Ван Марвес, за мной, сенсация для первых полос!» – и увел в туман, опустившийся на воду, на реку Лириан; Стефан стоял и дышал соснами – настоящими корабельными, в каждой из них – грот-мачта как призвание; рабочие перевозили доски и конструкции для верфей. «В Гель-Грине будут строить корабли» называлась статья; на завтра приехали американцы с камерами; Жан-Жюль шага им не разрешил ступить без Стефана: «У нас есть свой журналист, все вопросы к нему и все вопросы только от него»; и Стефан думал – я капитан, про маяк и про Гилти... Среди дней, пока снимали фильм, он увидел её в «Счастливчике Джеке», она тоже увидела, помахала рукой; вспыхнул, как костер с сухим топливом, оглянулся – не увидел ли кто; захотелось унести приветствие, как щенка подобранного, на груди; спрятать и жить, никому не рассказывать; оказалось, она иногда помогает Альберту, в дни выходных, когда все рабочие идут пить в «Счастливчика Джека»; в клетчатом сине-зелено-белом фартуке она была похожа на переодетую принцессу: разносила пиво, квас, пироги, вытирала столы, слушала шутки: «Как там мой сын, Гилти?» – «Весь в отца»; но никто не обижал её, как боялся Стефан, зажавшись в углу с Жан-Жюлем и кофе по-венски, готовый вскочить при первом же махе ресниц; сестра Расмуса Роулинга, передавали через плечо новичкам, воспитательница. «Она еще иногда торты печет, когда у кого-то из рабочих день рождения», – сказал Жан-Жюль и подмигнул, прочитал всё на лице Стефана, удлинённом, как перо; «она красивая», – пробормотал Стефан и уткнулся в свой блокнот; «ничего», – согласился Жан-Жюль и опять улыбнулся, будто вспомнив что-то смешное не отсюда, из глубины...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.